

Андрюха долго любовался кубком, который поместили в специальный стеклянный шкаф у коневода в кабинете.

— Ух, ну вы дали стране угля! — радовался Андрюха, говоря словами дяди Коли. — Саму Грет Раю обскакали. Это вам не хухры-мухры.

— Ты хоть знаешь, кто такая Грет Рая? — смеялся Пашка.

— Самая быстрая кобыла в мире! — напускал на себя серьезный вид Андрюха, передразнивая дядю Колю.

— Дядя Коля сказал, будем готовиться к Кубку губернатора. Старт в начале сентября, — похвалился Пашка. — Самое главное — перестроить тренировку. Добавить интенсивности, — тут же козырнул он терминологией.

— Крутяк! — сказал Андрюха, и видно было, как он завидовал Пашке.

Но, как случается, неприятности приходят неожиданно и, наверно, от этого они воспринимаются еще больней, чем если быть к ним готовым... Как говорится: знал бы где упасть, соломки бы подстелил.

Снова объявился Бородач. Пашка в этот день задержался на конеферме и помогал дяде Коле, а Андрюха вялился в тени ивы и хлестался в какую-то игру на телефоне. Словно орел, кружа в небе в поисках добычи, черный джип проехал мимо табуна и остановился неподалеку.

Бородач вылез из машины. Поигрывая брелоком от сигнализации, подошел к Андрюхе и сел рядом.

— Привет, друган. Ты чего сегодня один? А где кореш? — Бородач заглянул через плечо Андрюхи, интересуясь, во что тот играет.

— Позже придет, — ответил Андрюха, и добавил: — А вам чего, дяденька, он нужен?

— Да особо нет. Слушай, а кто дежурит на конеферме?

— Валерка Щербатый и дед Вася, — Андрюха отложил в сторону телефон. Скучавший все это время, был рад хоть какому-то собеседнику:

— Дед Вася чуток на охранника похож, у него хоть карабин есть. А из Валерки какой сторож...

— Значит, не боец? — улыбнулся Бородач, и добавил: — Я тут видел, как ты ножик в дерево мечешь. Классно получается! Давай, может, помечем вместе?

— Я бы с радостью, да нож с собой не взял.

— У меня в машине есть, сейчас принесу.

Бородач сходил за ножом.

— Вот это да! — восхитился Андрюха. — Настоящий, охотничий!

— То-то! Пошли, покажешь мне мастер-класс. Слушай, расскажи, чего там у вас на ферме творится. И подкажи, когда Валерка будет дежурить...

Подъезжая на велосипеде к стоянке на реке, Пашка заметил мелькнувший вдали знакомый черный джип и тут же испытал нехорошее предчувствие.

— Это Бородач? — обратился он к Андриюхе. — Чего хотел? К Рубину подходил?

— Он так, мимо проезжал, захотел искупаться, — соврал Андриюха, прикрывая штанами подаренный ему нож. — Оно и правда духота...

Пашка к вечеру вроде бы и забыл о странном визите незваного гостя и об ощущении, что Андриюха чего-то недоговаривает, а все равно нехорошее предчувствие его не покидало.

На следующий вечер, когда мальчишки пригнали с речки табун, Пашка долго не уходил с конефермы. Он завел Рубина в денник, задал ему на ночь немного овса, принес охапку сена и уже засобиравшись домой, но, выйдя за территорию конефермы, остановился. Тревога заставила его вернуться.

Валерка, иногда подменявший деда Васю, устраивался в сторожке на ночлег. Заваривал китайскую лапшу.

— Пашка, ты чего вернулся?

— Забыл овса задать. Я мигом!

— А! Ну ладно, иди, а то я теперь боюсь к нему подходить.

Пашка зашел в денник, выпустил Рубина и, взяв его под уздцы, вывел через дальний вход на улицу. Немного постояв и что-то обдумав, повел к амбару, где хранились качалки. Здесь оказалось довольно места. Пашка завел коня, принес две охапки сена и бросил ему под ноги. Похлопал жеребца по шее:

— Так надо, Рубин. Сегодня переночуешь здесь. Понял? И не шуми, утром приду.

Закрывая двери, Пашка обратил внимание, что они запираются на три засова, но он задвинул лишь один, и тот не до конца — все-таки чувство тревоги его не покидало.

Уже совсем стемнело. Пашка, подойдя к дому, потянулся рукой к калитке, как в стороне заметил подозрительный одинокий огонек. Мальчик, пройдя вдоль забора, юркнул в кленовые заросли и, никем не замеченный, подкрался к странному силуэту. На отшибе поселка стояла черная «десятка» и в ней сидело трое парней. Один, бывший за рулем, курил. Огонек от его сигареты и видел Пашка.

«Чего-то вынюхивают», — пронеслось в его голове, но развивать дальше эту мысль не было желания, и Пашка ретировался домой.

Выпив свежего молока, лег на кровать. Включил по ноутбуку триллер, бездумно смотрел на экран, а перед глазами стоял тот чернявый Бородач с довольной усмешкой на лице, все не дававший Пашке покоя.

Долго еще не мог заснуть, но усталость взяла свое, и он провалился в сон...

Разбудило его отдаленное тревожное ржание, доносившееся со стороны огорода. Пашка открыл глаза, прислушался. Ржание повторилось, и уже где-то под окнами раздался топот копыт.

Это был Рубин. Конь метался между сарайкой и баней.

Пашка, быстренько одевшись, выбежал в ограду:

— Ты как здесь, дружище? Случилось чего?

В ответ конь заржал. Пашка подвел Рубина к чуркам, стоявшим во дворе, запрыгнул на него и, похлопав по боку, направил к дому дяди Коли.

Подъезжая к усадьбе коневода, увидел густой дым в стороне, где расположена конеферма. Пашка спрыгнул с коня, перебрался через палисадник и забарабанил в окна.

Не сразу, может, секунд через пять на веранде зажегся свет. Потом в оконном проеме показалась нечесаная дяди Колина голова. Увидев Пашку, он в одних трико и сланцах вышел на улицу.

— Тебе чего не спится, хухры-мухры? — сонно спросил дядя Коля, но бросив взгляд в сторону конюшен, чертыхнулся — на краю поселка ночную темноту озаряло яркое пламя...

Горело на конеферме.

— МЧС вызывай! — крикнул дядя Коля жене, накидывая на ходу камуфляжную куртку.

...Валерка бегал с круглыми глазами вокруг горевшего сеновала, где находились тюки с недавно привезенным свежим сеном. Поднявшийся ветер тянул густой дым в сторону конюшен. Языки пламени становились все выше, огонь набирал силу и вот-вот должен был перекинуться на денники, где ржали и бились лошади.

— Николай Чудотворец, заступничек! Да что же это творится-то!

— Фуфайку неси! И два ведра воды! Живо! — заорал на него дядя Коля. — Мигом, сейчас задохнутся!

Накинув на голову ватник и приказав вылить на себя два ведра воды, дядя Коля, не дожидаясь пожарных, бросился в задымленную конюшню. Слышно было, как кони бьются в денниках, протяжно и тревожно ржут. Вскоре из ворот окутанной дымом конюшни стали выбегать по одному племенные животные.

Дядя Коля, захлебываясь дымом, открывал двери денников.

— Рембо, Горизонт, — считал Пашка со слезами на глазах. — Валет, Грация, Гром, Принцесса...

Вдали послышался звук сирены пожарной машины.

— Прима!.. Остались Княгиня и Красавчик! — заметил конюх Валерка, тоже считавший выбежавших коней.

Вскоре появился Красавчик. Время шло и, казалось, пролетела целая вечность, а дядя Коля все не выходил.

Пашка заволновался — видно, с дядей Колей случилась беда. Закрыв рот воротником куртки, мальчишка бросился в самую гущу дыма. Вдруг кто-то подхватил его за ворот и вывел подальше от огня. Это был дядя Коля — он рухнул на землю и зашелся в долгом кашле.

Подъехавшие пожарные начали растягивать рукава.

— Княгиня осталась! — стягивая фуфайку с дяди Коли, орал Валерка. — Княгиня где?

Откашлявшись и наблюдая, как пожарные заливают пеной горящее сено или, вернее, то, что от него осталось, дядя Коля тихо сказал:

— Нет больше Княгини, задохнулась...

Вскоре с огнем было покончено.

Как выяснилось, Валерка, выпив на ночь чуток самогонки, спал сном младенца, и его разбудило беспокойное ржание лошадей. Но и тут его ждал сюрприз: дверь сторожки оказалась подперта снаружи палкой. Валерке пришлось разбить окно. А когда он выбрался на улицу, то застал сеновал в огне.

— Постой, а почему Рубин с тобой? — спросил дядя Коля Пашку. — Ты же его в конюшню загонял?

И тот рассказал, как он в последний момент вернулся и перегнал жеребца в амбар. Как Рубин, выбив защелку в дверях, прибежал в поселок и разбудил друга.

— А еще бы десять минут, и кони погибли! Все бы задохнулись! — сказал дядя Коля, поглядывая на Рубина.

Конь стоял поодаль и внимательно смотрел на дымящийся сеновал.

Пожар сильно подпортил жизнь на конеферме. Сгорело около тысячи тюков с сеном, а за кобылу Княгиню, угоревшую в дыму, был внесен задаток, который теперь нужно возвращать.

Директриса, появившаяся утром, не разобравшись в обстоятельствах, сперва накинулась на Валерку, обозвав того алкашом, а потом ушла в сопровождении полицейских, которые допросили всех присутствующих.

Ходили слухи, что конеферму закроют...

Но прошло несколько дней и жизнь на конеферме начала понемногу налаживаться. Местами проскакивали шуточки — дядя Коля с Валеркой снова подтрунивали друг над другом.

Пожар пожаром, а жизнь продолжалась и нужно было восстанавливать амбар и думать, как продержаться зиму, где взять денег на корм...

И вдруг решение из сложной ситуации нашлось...

Одним утром дядя Коля встретил Пашку словами:

— Сегодня Рубина в табун не выпускай, ветврач приедет, будет осматривать колено.

— Что-то серьезное? — заволновался мальчишка.

— Прихрамывать начал. Осмотр не помешает.

Целый день Пашка чувствовал себя не в своей тарелке: не хватало Рубина. Пусто без него — не слышно тревожного ржания. Когда жеребец терял мальчишку из виду, начинал его зазывать. А потом, находя друга, недовольно фыркал и бодал Пашку, чтобы он больше далеко не уходил.

Возвращаясь на конеферму, Пашка еще издали заметил белый «Лэнд Крузер» Егора Савельевича.

— Не жди меня, пойду Рубина навещу! — крикнул Пашка Андриюхе, когда они загнали табун в загон.

Приближаясь к конюшням, мальчишка услышал голос дяди Коли. Они стояли с Егором Савельевичем у денника Рубина и разговаривали. Пашке через приоткрытую дверь слышно.

— Все точно решено? Продаешь? — спросил дядя Коля. — Смотри, конь хороший. Можно и на племя оставить.

— Предложение более чем заманчивое, — ответил фермер. — Покупатель прохода не дает. Глазищами сверкает. Продай, говорит, и все. Хорошую цену готов дать. Я немного добавлю, да из Казани жеребца привезу. Да вам помочь надо, как зимовать будете?!

— Тоже верно! Но подумай еще, — посоветовал дядя Коля. — Может другой вариант найдется?!

— Я думал. Рубин рысак хороший. Но что я из него выжму? — рассуждал Егор Савельевич. — Ну, год-два еще попылит. Тем более с коленом проблемы. А предложение заманчивое. У покупателя глаз горит на коня. Я думаю, еще даже в цене подниму, и он никуда не денется. Заплатит.

— Хозяин — барин, — буркнул коневод. — Пашку жалко. Трагедия для него будет.

— Хороший мальчишка растет, — вставил фермер.

— Настоящий! К коню прикипел! — вздохнул коневод.

— Ну, ты уж подбери правильные слова. Объясни ему...

— Легко сказать. Ладно... — дядя Коля сменил тему. — Слышал, Эльвира тоже отличилась. Овса по завышенной цене закупила. Никому не сказала, с кем-то связалась, ей впарили, да еще прошлогодний. Навешали ей лапшу на уши, мол, прогнозируют неурожай в этом году. Засуха, видишь ли...

Собеседники немного помолчали.

— Сегодня позвоню, дам согласие. На днях пусть забирает... — Егор Савельевич хлопнул коневода по плечу. — Ты с коленом поколдуй до его приезда.

Пашка не мог поверить услышанному. Он отпрянул назад и бегом бросился прочь, утирая на ходу слезы. Слышал, как тревожно ржет в деннике Рубин, почуяв его присутствие.

Переждав на задних дворах, когда Егор Савельевич и дядя Коля уйдут, Пашка прокрался в конюшню. Зайдя в денник, обнял жеребца за шею.

— Рубинка, ты тоже слышал! Хотят продать. Но я тебя никому не отдам. Слышишь! Никому. Мы что-нибудь придумаем. У меня есть деньги, почти тридцать тысяч.

Конь, опустив морду на Пашкино плечо, тревожно стриг ушами, вслушиваясь в голос друга. Как Пашке ни хотелось остаться подольше, нужно было идти домой. Удаляясь от конефермы, он еще долго слышал беспокойное ржание.

Ночью, так и не сумев заснуть, Пашка прокручивал в голове все возможные варианты. А утром, дождавшись, когда родители уйдут на работу, достав из тайника деньги накопленные на скутер, пошел на конеферму. Застав дядю Колю в сторожке за кофе, положил деньги на стол:

— Все, что есть. Тут тридцать тысяч.

Дядя Коля поставил кружку. Молчал, смотрел то на деньги, то на Пашку. Заметно было, что подбирал слова.

— Слышал, значит, вчера. Ну, тем проще для меня. Объяснять не придется. Понимаешь, Паша, не все так в жизни просто. В нашем мире деньги теперь решают многое. Ты думаешь, мне не жалко Рубина? Еще как жалко! Но нам с тобой такой суммы не набрать.

— Но так же нельзя! Захотел — купил, захотел — продал. Ты же сам говорил: нельзя предавать друга.

— Это для тебя Рубин друг, а для Савельича — просто бизнес. Они на этом зарабатывают.

— Я с ним поговорю. Он поймет, — не унимался Пашка.

— Тем более обстоятельства. Колено. Да и цена привлекательна чересчур. Так что забирай деньги и иди прощайся с Рубином. На днях за ним приедут. Выгоняй его в табун. Последние деньки проведите вместе.

— Нельзя так, дядь Коль! Нельзя! — Пашка выбежал из сторожки, чуть не сбив конюха с ног.

— Чего это с ним? — спросил Валерка, заходя в помещение. — Словно вселился в него кто!

— Савельич Рубина продает, — ответил дядя Коля, вздохнув. — А мальчишка к нему прикипел.

На ходу вытирая слезы рукавом рубахи, Пашка твердил одно: «Нельзя так! Нельзя!»

Зачерпнув из амбара ведро овса, Пашка задал Рубину корма и стал ждать, когда конь поест. По лицу текли слезы, и он никак не мог их остановить. Рубин, почувствовав Пашкино настроение, от лакомства отказался и, подойдя к другу, уперся лбом в плечо, как делал это обычно, будто спрашивая: «Что с тобой, Пашка?»

12

Весь следующий день Пашка провел с Рубином.

Конь, будто понимая, что происходит, тревожно, коротко ржал и всюду следовал за другом. То вставал и подолгу смотрел на мальчишку большими блестящими глазами, а потом, словно в чем-то чувствуя вину, отворачивался в сторону.

Пашка подходил к коню и, глядя его по шее, заглядывал в глаза, успокаивал:

— Все будет хорошо, Рубик! Доверься мне. Мы с тобой провремся.

В ответ конь мотал головой, бил копытом о землю, оставляя следы в мягкой дернине.

Андрюха, заметив, что Кочерга ходит какой-то сам не свой, поинтересовался:

— Ты чего такой хмурый? Отчим загулял?

Пашка поведал другу неприятную новость.

— Что будешь делать? — спросил Андрюха, выслушав Пашку. — Жалко коня. Рубин умный.

— Я его украду, — вдруг прошептал Пашка. — Уже все продумал. Только, Андрюха, никому не проболтайся! Понял!

— Как могила, — провел Андрюха пальцем по рту. — Чего задумал?

— К дядьке уедем. На пасеке у него схоронимся. Завтра утром отправлюсь. Поможешь?

— Куда я денусь! — ответил Андрюха.

— Утром выгоним табун. И все, день у меня в запасе. Здесь через реку напрямки переберемся. По полям до Шульгина Лога

доберусь сам. Ты вечером вернешься, сделаешь вид, что ничего не знаешь. Скажешь, будто я захотел рысака потренировать и уехал. И все, ты меня больше не видел. Согласен?

— Можешь положиться, — ответил рыжий.

Эта идея пришла сама по себе и была столь же неожиданная, как и фантастическая. Как это — взять и украсть коня? «Не украсть, а убежать с другом от несправедливости!» — думал Пашка, и вечером приступил к приготовлениям. Собрал палатку, котелок, немного еды, спички и зажигалку, завязал все это в полиэтиленовый мешок, отвез к реке и спрятал в кустах облепихи. Как собираться в поход и что с собой брать, чтобы провести несколько дней автономно, научил его дядя Антон. Спать лег далеко за полночь. Все не мог заснуть, прокручивая в голове предстоящий путь. Лишь с рассветом немного задремал.

Утром Пашка старался никому не попасться на глаза. Первым делом накормил коня и выпустил его в табун. Дядя Коля где-то задерживался. Лишь конюх Валерка, в соседнем загоне задая лошадам корма, покрикивал на них. По обыкновению, он помог выгнать табун в поле и пошел делать свои дела, а Пашка с Андрюхой погнали лошадей дальше.

У переломленной ивы на берегу реки Пашка накинул на Рубина седло, примостил к нему палатку и рюкзак с вещами.

— Я провожу, — сказал Андрюха. — Знаю место, где лучше переплыть реку.

Первую протоку преодолели без проблем. Глубина по пояс, и то только в русле реки. Прошли по заросшему густой осиновою порослью островку и вышли ко второй протоке. Она была уже, чем первая, и такая же мелкая. Затем преодолели остров и вышли к Катуню.

В августе река спадает, обнажая каменистые косы.

— Видишь бревно? — показал Андрюха дерево, наполовину торчащее из воды. — Напротив него самое мелкое место. Держи на него!

— Спасибо! — Пашка обнял Андрюху, хотел что-то сказать, но товарищ перебил его.

— Слышь, Кочерга, я хотел у тебя прощенья попросить.

— Ты чего, Андрюх?

— Помнишь, Бородач подъезжал второй раз, ты еще спрашивал, чего хотел. Так вот это я ему все рассказал. Он расспрашивал, кто дежурит, где Рубин ночью содержится... Потом ножик еще охотничий подарил... Пашка, я не хотел, честное слово! А он, гад, воспользовался. Это он! Точно, он пожар устроил!

Андрюха сел на камень, и на глаза его навернулись слезы. Он отвернулся.

— Ну хочешь, вдарь мне за это! — выпалил Андрюха.

— Ладно, проехали, — Пашка хлопнул товарища по плечу. — Ты, самое главное, про меня не проболтайся.

Пашка сел на коня и направил его к воде.

— Могила! — крикнул вдогонку Андрюха. — Пытать будут — не скажу!

Рубин сначала не хотел идти. Затем под напором всадника пошел боком, изгибая шею. Ступил в воду, поначалу недовольно фыркал, а вскоре смирился, да и привык к воде. Пашка почувствовал, как из-под ног коня ушла земля. Рубин поплыл, вытягивая вперед шею. Ледяная вода сковала Пашкино тело. Он плотно прижался к рысаку. В какой-то момент ему показалось, что Рубину трудно, конь быстрее стал перебирать копытами. И вдруг тяжело засопел ноздрями. Быстрым течением их сносило в сторону, бревно осталось далеко слева. Страх обуял Пашку. Держась за вожжи, он соскользнул со спины коня и тут же почувствовал, как его потянуло вниз.

«Воронка!» — пронеслось в голове. Пашку крутануло под водой и течением понесло в сторону. Первое время он не мог понять, что происходит. Запаниковал, потеряв из виду коня. Начал яростно работать руками и ногами, как вдруг услышал рядом недовольное фыркание, и тут же в руку попались вожжи. Он схватился за них и почувствовал, что его тянут вперед. Дошло — Рубин нащупал ногами почву и выходит на берег.

Пашка завалился под деревьями в высокую траву — перевести дыхание. Конь первое время стоял и смотрел, как шумит вода, перекатываясь на валунах, стриг ушами, пугаясь быстрого течения. Потом заржал и, подойдя к мальчику, встал рядом, прикрыв глаза.

— Вот такие, Рубин, дела, чуть не утопли... Горе-пловцы. Если б не ты, искали бы меня завтра в Оби...

Пашка достал из кармана мобильный телефон и чертыхнулся. Он совсем про него забыл, теперь телефон можно было выкинуть. Он разобрал его и бросил в рюкзак — может, еще просохнет. Затем снял с себя одежду. Выжал трико, футболку, олимпийку. Проверил снаряжение. Достал полиэтиленовый мешок — посмотреть, не промокли ли вещи. Затем заново наладил свернувшееся набок седло. Все тщательно осмотрел, чтобы не сбить коню спину.

Путь предстоял неблизкий. Пашка тщательно изучал карту и все населенные пункты выучил наизусть. Даже срисовал местность, пометил, как лучше идти. В основном путь лежал вдоль Катуня, по левому берегу, вверх по течению. На пути встретятся несколько сел — Кокши, Карасук, Талица, Хуторки, а затем и Шульгин Лог.

«В лучшем случае к ночи буду на месте. Если не успею, придется где-то заночевать. День переждать, а ночью явиться к дядьке, все ему рассказать, чтобы он знал и предупредил мать. Потом уехать на пасеку и остаться жить до холодов. А там видно будет», — так рассуждал Пашка, направляя коня по полю.

Пасека дяди Антона находилась километрах в десяти от Шульгина Лога у подножия горы Бабырган, неподалеку от озерца, о котором знали немногие. Каждую весну и перед наступлением зимы Пашка приезжал к дяде Антону помогать перевозить ульи из омшаника и обратно. Эти дни он особенно любил. В семье дядьки он был окружен заботой и вниманием.

Пашка это видел, понимал. На его лице появлялась редкая улыбка, и он всячески старался помочь дядьке. Управлялся в стайках с коровами: вывозил навоз, задавал корма. Когда выдавалось свободное время, игрался с алабаем по кличке Север.

Помимо пасеки, у дяди Антона было еще одно любимое занятие: по выходным он водил экскурсии по Бабыргану. Жена его, Света, давала объявление в городскую газету, и когда набиралась группа желающих, дядя Антон заводил свою «буханку» и увозил людей на гору.

Пашка неоднократно бывал на вершине с дядькой. Дядя Антон о Бабыргане знал многое: и несчетное количество легенд, и то, что там одно время прятались староверы, и про замершие вулканы.

А еще часто рассказывал, как в разные времена на Бабыргане скрывались от правосудия преступники. Особенно запомнилась трогательная история про одного мужичка.

— В девяностых, помню, из Талицы один сбежал, — рассказывал дядя Антон. — В день пенсии ограбили почтальоншу. Начали дворы шерстить, да у одного мужичка под крыльцом и нашли сумку, пустую, правда. Дочка у него еще была маленькая. Ну, на него вся деревня с вилами: мол, ирод, и так пенсию задерживают, а ты еще тут... А мужик глаза тарацит, понять ничего не может. Говорит: «Не я это!» Понял, что ему не поверили, оттолкнул участкового — и в окно.

Куда ему податься, со всех сторон с собаками ищут — резонанс. А тут бах — как сквозь землю провалился. Ну, наш участковый, дядя Ваня Фомин, и говорит: «Точно, на горе схоронился. Нужно мужиков созывать да идти». Человек десять на конях собрались и двинулись. Осень уж была. Туман, помню, сильный накрыл гору. Северный склон облазили — никого, южный тоже, а в гроте нашли. Костер даже не разводил, боялся, что увидят издалека дым.

Его веревками к коню привязали и пошли.

— Мужики, не брал я грех на душу! Вот вам крест! — по дороге изливать душу начал. — Сумку подбросили. Местный я. За своих талицких горой стою. Есть мысль одна! Знаю кто, отпустите правосудие свершить.

Не поверили ему. Думали, врет. А он улучил момент, острым камнем веревку перетер — и бежать. И кто-то из мужиков возьми да выстрели, туман густой, не видно ничего: то ли попал, то ли мимо. Поняли, что он с отвесной скалы прыгнул вниз. Потом сколько ни искали тело, не нашли... Так мужик и сгинул. А через несколько дней в Талице опять происшествие: двоих мужиков у сельского магазина рано утром связанными обнаружили с мешками на головах и деньги при них в пачках, которые почтальонше выдавали...

— Значит, получается, что Бабырган помогает тому, кто справедлив и честен, — говорил дядя Антон.

Эти слова крепко засели в голове у Пашки, и после услышанного каждый раз он с трепетом поднимался на гору.

13

Целый день прошел в пути.

Погода стояла солнечная. На небе лишь у горизонта виднелась тонкая полоска белых облаков. Солнце как будто застыло в зените и не хотело двигаться.

Пару раз Пашка останавливался на привал у небольших речушек. Поил Рубина, отпускал коня пощипать траву, задавал ему овса. Корма было немного — с полмешка, больше не увезешь, и его приходилось экономить.

В основном Пашка ехал по полям, держался в стороне от поселков. Катунь текла по левую руку, и парнишка то отдалялся от реки, то видел, как в просветах между лесополосами снова сверкала стеклянная гладь воды.

После обеда солнце оказалось напротив — засветило прямо в глаза, заставив свернуть и спрятаться за тополями. Справа раскинулось пшеничное поле. Колоски клонились к земле под тяжестью созревшего зерна. Вдруг Рубин дернулся, отскочил в сторону и встал как вкопанный: прямо перед ним, метрах в пятнадцати, на дороге выбежала семейка ежей — ежиха и четыре ежонка. Они пересекли полевою дорогу и скрылись за стеной пшеничных колосьев.

— Ты что, Рубин, ежиков испугался? — рассмеялся Пашка. — Ну ты, друг, даешь!

Рубин недовольно фыркнул и, поняв, что над ним потешаются, нехотя пошел вперед.

Но Пашке воздалось за его насмешки. Проходя мимо крайних тополей, конь прижимался к лесополосе, как вдруг с дерева прямо перед Пашкой вспорхнул огромный орел-могильник. От неожиданности коротко вскрикнув, мальчишка свалился с седла — хорошо, ноги были не в стремях. Ему даже показалась, что хищная птица коснулась когтями его головы.

Но каков же Рубин — Пашка видел, как он довольно щурится. — Что, доволен? — поинтересовался мальчишка, отряхиваясь.

Конь мотнул головой. Пашка сделал к нему несколько шагов, а Рубин отступил, не подпуская к себе.

— Так, я не понял, что это такое? — удивился Пашка. — Бунт на корабле?

Пашка шаг — Рубин два.

— Я понял! Ждешь, когда извинюсь за ежиков. Ну, правда, получилось смешно.

Рубин пошел еще быстрее.

— Ладно-ладно, я был неправ. Извини. Признаюсь.

Рубин остановился и, довольно заржав, исполнил трюк — встал на колени, чтобы Пашка сел верхом.

Дорога нырнула вниз — пшеничное поле заканчивалось, на пути встали березовые колки и сенокосные наделы.

Трава в этих местах поднялась с Пашкин рост — густая, сочная. Пахло душицей, горькой пижмой, другим медовым разнотравьем и превшими валками, которые не успели еще убрать.

Вдали работал трактор. Пашка спешил, заметив в свежескошенной траве клубнику. Набрав в ладошку переспелой ягоды, закинул ее в рот и немного собрал в мешок — заваривать чай.

Солнце постепенно скатывалось вниз. Тени от деревьев становились длиннее, повеяло прохладой. Нагретая за день земля начала понемногу остывать. Когда стемнело, Пашка даже не заметил, как на чистом, без единого облачка небе стали вспыхивать звезды.

С небольшого увала виднелся Шульгин Лог.

Пашка всю дорогу думал, как поступить. Рассказать ли дяде Антону или направиться к пасеке... Наверняка их уже хватились и подняли на уши всех, возможно, и полицию подключили. Подумав, Пашка все-таки направился к пасеке.

Поднявшись на ближний холм, издалека услышал гул техники. Выплывшая в темноте, появился горящий десятками прожекторов страшный монстр. Пашка не сразу догадался, что это комбайн. Остановившись у края поля, комбайн, чихнув от соломен-

ной пыли, стих. Ряд прожекторов погас. Остался гореть только верхний фонарь. Из кабины вылез мужичок и крикнул в сторону двух машин, стоявших неподалеку:

— Перекур, мужики! Кофе надо хлебнуть! Перекусим и дальше попррем!

К нему подошли двое водителей и разместились на траве под тополями, убегающими ровным рядом заградительной полосы вдоль дороги.

Началось время уборки. Мужики теперь будут впахивать и днем, и ночью, чтобы убрать хлеба до дождей и хоть немного подзаработать.

Раздался звук приближающейся машины. Осветив деревья светом фар, УАЗ «Патриот» остановился, скрипнув тормозами и взметнув дорожную пыль. Из кабины выскочил высокий мужик в светлой рубашке и, подав комбайнеру и водителям термосы, сказал:

— Думал, не успею! Долго сидеть будете? Я мигом! Мотанусь на соседнее поле. Тоже еды отвезу.

Мужик сел на УАЗик и уехал.

Наступила та особенная тишина, когда в поле посреди ночи слышно лишь, как играет колосьями пшеницы легкий ветерок, да зашуршит крыльями какая-нибудь птаха, пролетая мимо.

Пашка остановил коня. Дернул поводья вправо, хотел направить Рубина стороной, но вдруг комбайнер заметил его:

— На коне, что ли?! Эй, ты чего тут?

В свете фары, горевшей на комбайне, Пашку было видно хорошо.

Он спешил и, взяв Рубина под уздцы, подошел ближе:

— С Колово я, — пришлось на ходу придумывать легенду. — Коровы потерялись, вот ищу. — И тут же спросил: — Может, видели?

— Далеко ты, однако ж, забрался. Нет, не видели, — ответил комбайнер. — Давно ищешь?

— Целый день, вчера еще запропалились, — соврал Пашка.

— Проголодался, небось? Садись, перекуси. Шеф вон еды сколько привез. А мне жена с собой собрала. Все и не съесть. Так что бери термос, перекуси. Пока домой доберешься!

Пашка и вправду был голоден. Привязал Рубина к березке и сел рядом с мужиками. У комбайнера было доброе лицо, уставшее. Поев, он налил из термоса кофе. Похлебывая из кружки, приглаживал густые усы. Водители — один такого же возраста, как и комбайнер, да молоденький парнишка лет двадцати — ели быстро, тоже проголодались.

— Знатный у тебя конь, — заметил комбайнер, подливая себе еще кофе. — Окрас красивый.

— Есть маленько, — ответил Пашка, доедая из походного термоска. — Орловский рысак. Племенной.

— Да где ж ты его такого взял? Племенного! — хмыкнул комбайнер. — Племенные знаешь сколько сейчас денег стоят?

Пашка понял, что чуть не выдал себя, и залепетал:

— Это мне батька сказал. Я-то сам не понимаю...

— Пошутил батька. А масть красивая. Может, какой в роду и был орловец. Я в лошадях чуток разбираюсь. Тоже держал одно время.

— Ух! Ну вот, середка наполнилась, краешки заиграли, — от разговора про коней отвлек камазист. — С утра ни маковой росинки. Целый день гонял нас!

Комбайнер вздохнул:

— Я тоже пятые сутки на ногах. Крепким кофе только и спасаюсь. Прикорнешь в кабине часика два — и снова полный ход. Пока погода стоит. На днях дожди обещали.

Пашка допил компот, отломил полбулочки и сунул Рубину. Поблагодарил комбайнера.

— Подкрепились — и в путь! — улыбнулся комбайнер. — Время сейчас на вес золота. А ты, малой, давай дуй домой. Нечего по ночам плутать. Завтра посветлу и ищи, все лучше видно.

Пашка попрощался, отвязал коня и, проворно запрыгнув в седло, скрылся в темноте. За спиной еще долго оставался слышен грохот комбайна, молотившего хлеб.

Ночи в августе в предгорье звездные и холодные. Из-за Бабыргана выглядывала небольшая тучка. Полная луна светила на всю мощь. Пашка надел теплую куртку и шапку. Немного согревшись, смотрел на звезды и думал — как там дома...

Было около полуночи, когда Пашка добрался до пасеки. Он не думал, что его отыщут так быстро. Да и вообще ни о чем не думал, не представлял, что будет дальше. Действовал по велению сердца, интуитивно. Припадая к гриве коня, заглядывая ему в глаза, видел, как тот смотрит на него, и казалось, тоже не хочет расставаться.

С вершины холма Пашка увидел внизу, в ложбинке, летний домик, ульи, стоявшие неподалеку, и УАЗик дяди Антона. Затем донесся звук работающего генератора.

Пашка спешил. Внимательно присмотрелся. Дядя Антон был не один. Второй человек шел от машины в домик, прихрамывая на одну ногу.

— Дядя Коля! — вырвалось у Пашки. — Ну что, Рубин, будем делать? Не дают они нам шанса. Пойдем, я знаю, где спрячутся преступники...

Конь в ответ помотал головой и, брякая уздечкой, опустил шею вниз, щипля траву.

Пашка спустился с холма, устроился в ложку, заросшем кустарником. Примяв траву и бросив под голову палатку, решил переждать ночь здесь, а утром подняться на Бабырган.

14

На конеферме, как и думал Пашка, их хватились только вечером. Табун лошадей встречал дядя Коля. Ему звонил Егор Савельевич и предупредил, что завтра приедут за Рубином.

— А где Павел? — спросил коневод у Андрюхи, закрывая ворота на замок. — И Рубина не вижу.

— Их еще утром не было. Я думал, они на тренировке.

— Ясен перец! — охнул дядя Коля и проворно побежал к машине.

— А что случилось-то? — в спину ему крикнул Андрюха. — А, дядь Коль?

Дядя Коля, садясь в «Ниву Шевроле», хмуро ответил:

— Потом скажу! Не знаешь, тетя Вера с работы уже пришла?

— Нет, она до девяти в магазине...

Вера уже снимала кассу, когда в магазин, прихрамывая, забежал дядя Коля. По его виду она поняла — что-то произошло и, скорее интуитивно, прикрыла рот ладошкой, закатившись в истерике.

— Да тихо, дура! Раньше времени голосить! — прикрикнул на нее дядя Коля. — Ничего еще не случилось страшного. Убег просто с конем.

— С каким конем? — не поняла Вера.

— Ты вообще интересуешься, чем твой сын занимается? С Рубином, с кем еще. Хозяин решил продать коня. Пашка узнал об этом. Вчера приходил, предлагал взамен денег. Я ему сказал, что это не поможет. Так сегодня они с Рубином пропали. Ты не знаешь, куда он мог спрятаться или у кого переночевать?

— У Антона если только. Брат мой, — пояснила Вера.

— Звони Антону! — выпалил дядя Коля — Ноченька перестает быть томной.

Антон не сразу ответил. Вникнув в суть дела, — Вера то и дело всхлипывала, — попытался ее успокоить:

— Да не реви ты! Знаю, где его искать.

— На пасеке?

— Единственное место, где он будет в безопасности. Утром туда поеду. Гляну. Если что, позвоню.

— Коневод дядя Коля хочет с тобой поговорить.

Дядя Коля взял телефон, поднес к уху:

— Антон, привет! Нужно ехать сейчас. Чем быстрее найдем, тем меньше неприятностей. Послезавтра приезжает хозяин, и если узнает о пропаже коня, тут без полиции уже не обойдемся. Так что я выезжаю, и сразу поеду на пасеку. Времени нельзя терять. У нас два дня.

— Хорошо, жду, — коротко ответил Антон и добавил: — Как будешь подъезжать, позвони, я встречу.

Через час дядя Коля был уже в Шульгином Логе. Оставив свою машину, он пересел в УАЗик к Антону, и они тронулись в путь.

Было уже далеко за полночь, когда добрались до пасеки. Вытащили генератор, поставили кипятить воду.

— Думаешь, сюда придет? — спросил дядя Коля у Антона.

— Куда ему еще податься? Он же понимает — совершил плохой поступок. Его будут искать. Еды с собой много не возьмет. Где-то же надо кормиться.

— А если увидит нас и рванет куда-нибудь? Надо будет машину убрать, генератор выключить.

— Хорошая идея, — согласился Антон и вырубил генератор. — Об этом не подумал. Сейчас машину отгоню.

Ни ночью, ни утром Пашка не объявился. Решили доехать до Шульгина Лога, посмотреть, может, он туда наведался. Но и в селе беглеца не оказалось.

Антон пригласил дядю Колю в дом. Сели за стол на просторной веранде.

— Ума не приложу, — сетовал Антон, — куда бы он мог податься.

— Может, заметил нас? — предположил дядя Коля. — По времени подходяще. В розыск надо подавать. Мало ли чего могло произойти.

— Ты, дядя Коля, дуй домой, бери Верку и прямиком в полицию! А я в одно место наведуясь. И дай-ка мне телефончик хозяйина коня...

Немного перекусив, встали из-за стола. Проводив дядю Колю, Антон тоже засобирался. Теперь он точно знал, где прячется Пашка.

15

На границе горной и равнинной зон расположился каменный часовой.

К северу от него простирается холмистая Предалтайская равнина, к югу — царство гор. Стоит он в гордом одиночестве, как дозорный на посту, за что его и прозвали северным стражем Горного Алтая.

Говорят, гора Бабырган — это затухший вулкан, на дне которого было озеро с чистой пресной водой. Теперь вода там скапливается только после дождей.

А по алтайскому поверью гора — это богатырь, стерегущий красавицу Катунь, убежавшую от отца Алтая к прекрасному юноше Бию.

Для местных жителей гора вместо синоптика: ясно просматривается вершина — к хорошей погоде, а если дымка, облака или тучи на вершине — к ненастью.

А еще говорят, на горе когда-то был город-призрак с крепостными стенами, воротами, часовнями. Следы древности, возможно, скрывает грот, расположенный к северу от седловины горы, или заваленная пещера размером около двух метров. Местные верят — в полнолуние Бабырган отпускает своего коня пастись. Луна на равнине светит ярко, и богатырь наблюдает за ним, чтобы тот не зашел далеко и не потерялся. Когда конь все-таки отходит далеко или наступает время возвращаться, Бабырган тяжело вздыхает — по равнине проходит гул, земля начинает сотрясаться, словно по ней бежит табун лошадей.

Говорят, ровно в полночь, в полнолуние, можно увидеть лицо Бабыргана. Для этого нужно отойти метров пятнадцать на восток от скалы, на вершине горы, и резко обернуться. Тогда перед взором возникнет огромная голова богатыря.

Проснувшись утром, Пашка снова поднялся на холм, откуда просматривалась пасека. Не увидев машины дяди Антона, он решил спуститься и проверить, есть ли там кто. И, если повезет, перекусить.

На пасеке никого не оказалось, и Пашка провел здесь целый день. Наколот дров, сварил себе гречку с тушенкой на костре. А вечером, как только стемнело, отправился на вершину, понимая, что на пасеку снова могут приехать.

На Бабыргане их точно никто не станет искать.

Он не раз бывал с дядей Антоном на горе, поэтому знал, где самый простой путь на вершину. Можно пройти по южному склону, но тот начинался между двумя гребнями, проходил через ущелье. Большие перепады высот и довольно крутой подъем заставили Пашку обойти гору и зайти с севера.

Тропа по северному склону начиналась от пруда у подножия. Обойдя пруд справа, Пашка направил коня до осыпи, а оттуда, по хорошо видной пологой тропе — наверх.

В предгорье ночи светлые — казалось, от молодого месяца льется на поля звон-свет, покрывая их лунным серебром.

Добравшись до трех скальных вершин, их называют еще Башни крепости или Чертовы ворота, Пашка привязал Рубина к дереву, а сам, скинув палатку и расстелив ее под кедром, завалился спать, сморенный дикой усталостью. И только голова коснулась земли, он сразу заснул.

Сон Пашки был тревожный: ему снилось, что он и есть тот мужик из Талицы, только теперь еще и украл коня. Повсюду летают вертолеты, светят прожекторами, где-то внизу лают собаки — сплошным кольцом полиция окружила гору. И это кольцо постепенно смыкается. Мальчишка не знает, куда деваться, оглядывается по сторонам и прячется под деревьями. А прожектор все бьет в глаза и Пашка понимает, что его нашли...

Но это всего лишь сон... Мальчик просыпается — вокруг тихо, и совсем не прожектор, а луна нависла прямо над горой.

Издали раздается громкое ржание коня. Пашка выходит из-под дерева, осматривается. Разве такое бывает? Среди ясного ночного неба вдруг сверкнула молния, а из скалы появился красавец-богатырь Бабырган.

Страхнув с себя древние камни, он подходит к коню и, погладив его по шее, поворачивается к беглецу:

— Спасибо, что вернул мне моего скакуна. Давно я не сидел в седле. Пора развеяться. Смотри, какая нынче дивная ночь!

Пашка попятился.

— Нет, это мой конь! — вырвалось у него.

— Знаешь, я бы тоже такого не отдал, — обернувшись, сказал Бабырган. — Но ты преступник, и конь тебе ни к чему, — добавил богатырь и вдруг, разразившись гулким смехом, проворно вскочил на коня, рванул его с места в дыбы, заставив сделать прыжок в пропасть...

— Не-ет! — закричал Пашка и со всех ног бросился за ним. Он хотел зацепиться за седло, но не успел и полетел вниз, в темноту.

Пашка открыл глаза и огляделся: рядом горел небольшой костерок, стоял термос и лежали на полотенце хлебные лепешки. Рубина не оказалось.

Мальчик поднялся на ноги, пытаясь взглядом найти коня, — его даже не удивило, откуда взялся термос с лепешками.

— Рубин! — тихо позвал он, не веря тому, что рысака больше нет рядом. — Рубин! — громче крикнул Пашка и только тут услышал ржание откликнувшегося на его зов друга, пасущегося ниже по склону.

— Тише. Чуть термос не опрокинул, — раздался голос дяди Антона, вышедшего из-за дерева. — На месте твой конь. Я его отпустил попастьись, голодный был.

— Он его вернул... — прошептал Пашка.

— Кто? — не понял дядя Антон.

— Бабырган, — уверенно ответил Пашка. — Я его видел ночью. Он на Рубине ускакал. А теперь вернул.

Дядя Антон сел у костра на небольшой валун и посмотрел на племянника:

— Все нормально? Приснилось, видать.

— Ладно, проехали. Все хорошо, — ответил Пашка. Сев рядом с дядькой, взял лепешку и стал есть.

— Ну ты, брат, и натворил дел, — немного помолчав, сказал дядя Антон. — Весь поселок на уши поставил. Мать места себе найти не может. В полицию даже заявили. Думали, утонул или украли.

Пашка хмурил брови: было видно, как он переживает.

— Дядь, чего теперь делать? Его же теперь заберут? Может, сделаем так, что ты меня не видел... мы убежим.

— Хватит бегать. Тем более, так проблему не решить, — Антон потрепал мальчишку по голове. — Никто у тебя Рубина не заберет.

Пашка вскочил на ноги. Видно, засомневался:

— Обманываешь, да? Хочешь, чтобы я спокойно вернулся, а они потом коня забрали.

— Разве я тебе когда-нибудь врал?

— Его же продадут! Савельич сам говорил...

— Нужно учиться решать проблему глядя ей в глаза, а не убежать от нее...

— Я не пойму. Все же было решено.

— Я тебя поддерживаю всегда, но согласишься, ситуация не изменилась. Украд коня, стал просто вором и все усложнил.

— И что теперь?

— Нужно вернуться на то место, где ты сбился с правильного направления и выбрать новый путь.

Пашка, помолчав, сказал:

— Позвонишь дядь Коле, скажешь, что я к вечеру вернусь.

Антон кивнул:

— Это будет правильным решением. За свои поступки надо отвечать.

16

Пашка сидел на чурбачке у сторожки, виновато опустив голову, и палкой чертил понятные только ему загадки на земле. Коневод молча пил чай, расположившись на крылечке, и смотрел вдаль на заходящее солнце. Где-то у Катуня куковала кукушка...

— Я-то думал, мы с тобой друзья, — наконец-то промолвил дядя Коля, взглянув на Пашку. — А от друзей разве есть секреты? Мог бы мне сказать.

— Я не смог его бросить. Ты же сам сказал: друзей не предают, — ответил Пашка.

— Не предают, — повторил дядя Коля. На лице его промелькнула тень давних воспоминаний и он, кашлянув, вдруг сказал:

— Я, Пашка, рад, что ты так поступил. Нет, правда. Зато сразу проблема встала ребром. Заставила нас, взрослых, задуматься, что в детстве все-таки чувства неподдельны. Я тобой горжусь. У меня когда-то смелости не хватило. Я по молодости выявил классного жеребца — Хана. Он меня с полуслова понимал, а я его. Одно целое были. Мы с ним в свое время пошумели... Несколько значимых турниров выиграла, итоговый взяли с большими призовыми. Сколько раз нам предлагали коня продать, но мы с владельцем наотрез отказывались...

А когда я покалечился, владелец принимать наездников отказался. И тогда коня решили в Казань продать. Меня первым спросили, буду ли я его выкупать. И я тогда струсил, хоть и деньги на тот момент были, а все равно, где-то сломался, и, получается, предал друга... Если бы меня в то время кто-нибудь поддержал, может, все случилось иначе. И знаешь, я тебе благодарен, что дал возможность исправить мою ошибку...

Но Пашка, казалось, не слушал коневода, у него в голове сидел один единственный вопрос.

— Дядь Коля, а Рубина когда заберут?

— Теперь не заберут.

— Это как? — удивился парнишка.

— Я с Савельичем договорился. Махнулся с ним баш на баш. Железного коня поменял на настоящего.

— Дядя Коля, ты чего? Зачем! — Только сейчас Пашка заметил отсутствие машины, на которой коневод постоянно приезжал на работу.

По взгляду Пашка понял — дядя Коля хочет сообщить еще что-то важное, но пришел сторож, и коневод, потрепав Пашку по голове, сказал:

— Я бы себе второй раз не простил. Ладно, проехали, пойдем домой. Завтра дел невпроворот. Специалист один приедет колено Рубину смотреть. Кстати, ты не забыл, у нас на носу Кубок губернатора. Нужно готовиться.

На следующее утро Андрюха крутился вокруг Пашки.

— Ну ты, друган, и навел шухеру! — Андрюха следовал по пятам за Кочергой и рассказывал последние новости: — Тут такое было... Бородач приезжал! Тут рвал и метал! Короче, дядя Коля «Ниву» свою отдал за Рубина. Я их разговор с Егор Савельичем случайно подслушал на конеферме. Савельич сначала запыхтел, когда узнал, что ты того... с Рубином свалил. Хотел заявление в ментовку писать, но дядь Коля предложил ему выкупить коня. А потом еще и учителька наша отличилась. Денег приносила. Но дядя Коля не взял. Сказал,

что проблема разрешилась, поблагодарил и назвал ее «настоящей».

Пашка слушал друга, и ему было с одной стороны неловко и стыдно, что заставил беспокоиться, а с другой — даже радостно, что его поддержали и дядя Коля, и Елена Александровна.

Ближе к обеду приехал какой-то дедушка. Небольшого роста, щупленький, но шустрый, как электровеник.

— Ефимыч приехал! Пойду встречу, — сказал коневод, велел Пашке вести Рубина и ставить на развязку.

Деда этого коневод знал давно. Ефимыч — ветеринар от бога. Правда, давно на пенсии, и методы лечения у него больше походили на знахарство. Жил в Сычевке, держал пасеку и считался хорошим специалистом по лошадям — не одного рысака поставил на ноги.

— Показывайте своего мустанга, посмотрим, что у него стряслось.

Ефимыч подошел к Рубину, но тот застриг ушами, замотал головой, попытался встать на дыбы. Пашка вроде начал его успокаивать, но Ефимыч жестом показал отойти. И только рука ветеринара коснулась коня, тот угомонился и стоял тихо. Осмотрев колено, потрогав руками, Ефимыч велел Пашке провести Рубина по территории. Затем вынес вердикт:

— На передней правой ноге колено припухло. Растяжение связок. По-хорошему, МРТ надо делать.

— Через две недели соревнования, — напомнил дядя Коля.

— Кинезиотейпирование — слышал такое? Будете во время тренировок тейпы¹ накладывать, я покажу, как правильно, это поможет обезболить, снять опухоль и ускорить процесс восстановления. После нагрузки облить сустав холодной водой. Припарки будете делать. И мазь у меня одна есть собственного изобретения, на ночь втирать в колено.

¹Тейп — эластичная хлопковая лента на клеевой гипоаллергенной основе. Его действие на организм основано на активации внутренних резервов, что определяет высокую безопасность методики для здоровья животного.

Распорядившись насчет лечения, Ефимыч уехал, пообещав через неделю проведать коня.

Проведя на конеферме почти весь день, Пашка, управившись с делами, возвращался домой, как вдруг свернул на соседнюю улицу — ноги сами вели к дому учительницы.

Елена Александровна сидела в кресле и читала.

— Паша! Проходи, — встретила его радушной улыбкой. — Ну, как твои дела? Как Рубин? Рассказывай.

Она поставила чайник на плиту.

— Знаешь как мы все за тебя волновались!

— Елена Александровна, дядь Коля рассказал, что вы деньги приносили...

Она посмотрела ему в глаза.

— Помнишь, я тебе рассказывала: когда училась в школе, отец держал коня. А потом, когда отца не стало, пришлось Апреля продать. Сосед, которому мы продали коня, сдал его на мясо. После я долго переживала... Но дело не в том. Все мои радостные воспоминания из детства связаны с нашим апрелем. Как отец катал меня на нем верхом... Помню его счастливую улыбку, помню свою радость... Говорят, при выборе профессии нужно оглянуться назад и вспомнить, кем ты хотел стать в детстве. Я мечтала связать свою профессию с лошадьми. Но что-то пошло не так — мама настояла, чтобы я пошла учиться на педагога...

Она немного помолчала, сняла с плиты закипевший чайник.

— Но знаешь, когда я узнала твою историю, то не задумываясь взяла деньги и предложила их дяде Коле. Эта история напомнила мне мою — если бы не нужда, в которой оказалась наша семья, мы бы ни за что не продали Апрельчика... Я только теперь, Паша, поняла: какое бы у тебя ни было детство, всегда будет казаться, что ты был в нем счастлив, даже если часто обжигался.

— Елена Александровна, пойдемте, я вас познакомлю с Рубином, вы же его еще не видели! — вдруг предложил Пашка.

— А можно?! — глаза учительницы вспыхнули задорным огоньком. — Неловко как-то.

— Как говорит дядя Коля, неловко спать на потолке — одеяло будет соскальзывать. Пойдемте!

Они вышли на улицу, сократили путь, свернув в переулок, и вскоре оказались на ферме.

Их встретил Валерка.

— Пойдите у сторожки, я сейчас...

Пашка скрылся в амбаре и скоро вывел Рубина, держа за уздечку.

— Вот, знакомьтесь! Это Рубин. Рубин, а это моя учительница Елена Александровна.

Жеребец, недовольно фыркнув, попятился назад, завалился на бок и стал кататься по земле.

— Да он у тебя выбражуля! — улыбнулась Елена Александровна.

— Рубин, разве можно так вести себя! С тобой знакомиться пришли.

Рысак резко встал на ноги как ни в чем не бывало. Пашка накинул на спину коня потник, затем наладил седло.

— Чего стоишь, нужно Елену Александровну до дому довести.

Жеребец, фыркая, замотал головой и вдруг опустился на передние колени.

— Елена Александровна, садитесь, — улыбнулся Пашка.

— Да он у тебя еще и трюкач! — Учительница робко зашла с левой стороны. — Господи, как давно это было! Может, я пешком...

Но все-таки уместилась в седле. Пашка хлопнул Рубина по груди, и он поднялся с колен. Елена Александровна даже охнула.

Пашка взял рысака под уздцы и пошел рядом, оглядываясь на светящуюся от счастья учительницу. По дороге он рассказал о своем путешествии: как узнал, что Рубин боится ежей, как ночевал на горе Бабырган и как его нашел Антон...

Позже, ссадив Елену Александровну у ее дома и пожелав ей спокойной ночи, Пашка вскочил на рысака верхом и, прищипав его, пустился галопом по улице...

Он теперь точно знал, кто самая лучшая в мире учительница.

Дни пробежали, словно за ними гналась стая собак.

Каждое утро, после кормежки и утренних процедур по уходу за своим любимцем, Пашка ставил коня на растяжку, наклеивал жеребцу тейпы на больное колено, готовил снаряжение.

Теперь он все делал быстро и уверенно: после бинтования ног и надевания ногавок, накладывал седелку с потником и подхвостником и застегивал подпругу. Затем капсюль, уздечку с удилами и при необходимости оберечек с треньзелькой.

Казалось, разбуди мальчишку ночью, он отчеканит все наизусть.

— Пашка, что входит в комплект беговой упряжи? — иногда ни с того ни с сего спрашивал дядя Коля.

— Мартингал, потник, сережки, затяжные ремни, вспомогательная подпруга, колпачки с гортами, шорка и вожжи, которые пристегивают к кольцам удил в последнюю очередь.

— Молодец! А теперь настраивай свои локаторы и запоминай.

Дядя Коля, проштудировав все свои дневники, выписал план тренировок.

— Будем чередовать трот², чтобы немного жеребца побережь. День тихий трот, день веселый, — делился он с Пашкой, заставляя его вникать в тренировочный процесс.

Однажды, в один из тренировочных дней, коневод прикрепил к качалке три мешка с песком. На Пашкин вопросительный взгляд ответил:

— Мы так с Ханом делали. Подсмотрел у легкоатлетов. Те тоже перед забегом со штангой приседают. Или на лодыжки утяжеления вешают.

Между делом сделали ревизию фургону, на котором перевозят лошадей.

²Трот — замедленная и укороченная рысь (длина шага около 2 м). Различают тихий трот, не имеющий стадии подвисания (скорость 1 км за 4,5 мин), и ускоренный трот, называемый также свободным, или веселым (скорость прохождения 1 км — 3,5 мин). Работа свободным тротом составляет около половины тренинга рысака.

Через неделю, как и обещал, приехал Ефимыч. Осмотрел рысака, недовольно помотал головой:

— Опухоль не спадает. Нельзя рисковать.

— Он сейчас под нагрузками, — вставил дядя Коля, — и то под щадящими.

— Ты мне не рассказывай! — махнул рукой Ефимыч. — Ваше право. Решайте. Но если угробите коня, сами виноваты будете!

Пашки при этом разговоре не было, а коневод не посчитал нужным рассказывать.

В хлопотах парнишка и не заметил, как две недели остались позади.

Поскольку теперь у дяди Коли машины не было, Пашка позвонил Антону, и тот с удовольствием согласился предоставить свой УАЗ, на котором и решено было везти Рубина в краевую столицу. А Дядя Коля поедут с Валеркой на другой машине, к которой прицепят остальной инвентарь.

К соревнованиям все было готово.

18

Кубок губернатора края — большой конноспортивный праздник, куда съезжаются сильнейшие наездники со всей Сибири. Соревнования проходят в рамках третьего этапа Большого Сибирского круга.

Пашка никогда не бывал на таком масштабном мероприятии и смотрел на все с широко открытыми глазами, загибал пальцы, стараясь запомнить регионы: Красноярск, Новосибирск, Кемерово, Абакан, Томск, Омск, Республика Алтай. У него даже дыхание перехватило.

Соревнования организованны на высшем уровне. Пожарные машины, скорая помощь и ветеринарная дежурят на ипподроме. Зрителей на трибунах — не протолкнуться. Из динамиков льется музыка, создавая праздничную атмосферу.

Программа дня оказалась очень насыщенной.

Так как заявок на участие поступило много — с самого утра проводились предварительные забеги.

Пашка попал во второй полуфинальный забег.

— Первым не суйся. Попридержи! Береги силы на решающий круг, — наставлял его дядя Коля. — И держись с краю, вовнутрь не лезь, а то потом не будет места для маневра. Задача — прийти в первой четверке. Соперники не простые. Подержись за Лектором. Видишь, вон гнедой жеребец. Он по дистанции хорош, но финишер не очень.

Подготовленный и «размятый» Рубин нетерпеливо рвался с места. Забег этот Пашка толком и не помнил. Первую минуту он даже не понимал, что с ним происходит. Зато все понимал Рубин. Несся идеальной рысью, бежал умно, пристроившись за Лектором и Саботажем. Так они втроем, кучно, и пересекли финишную прямую.

— Молодцы! — радовался дядя Коля. — Задача на этот забег выполнена. Мы в финале! Теперь распряги его немного, напои, можно овса чуток дать — и в тенек. Финал после открытия.

Жара, стоявшая в этот день, высушивала беговую дорожку и, чтобы на ней не поднималась пыль, поливальная машина несколько раз уже проехала по кругу.

Началось открытие турнира: толкнул речь вице-губернатор, пожелавший всем спортсменам победы. Затем выступил танцевальный коллектив, а за ним состоялся показательный заезд алтайской тройки, одной из лучших в Сибири. Вот это было зрелище — Пашка не отводил взгляда от красавца коренника и не менее грациозных пристяжных, которые гнули шеи в разные стороны, и казалось, — они только что появились из русской народной сказки.

Волнение, бывшее перед первым забегом, улетучилось, и Пашка, глядя на широкую спину дяди Антона, теперь интуитивно впитывал его уверенность.

Тут же рядом и Егор Савельевич со старым наездником Фроловым — они привезли вороного жеребца Фаворита, который тоже прошел в финал. Управлял рысаком внук Фролова Артем.

Пашка видел, как горят глаза у дяди Коли, когда к нему подходили здороваться мастера-наездники из других городов, как он подходил к знакомым, улыбаясь, обнимал их, перекидывался

шуточками. Этот праздник был отдушиной в непростой работе конезаводчиков, где они могли на всеобщее обозрение показать результат своей работы — породных орловских рысаков во всей красе...

Дядя Коля, по обыкновению, наставлял, давал дельные советы:

— Видишь, Пашка, уровень? Вот где надо набираться мастерству! Смотри и впитывай как губка. Поговаривают, как бы сам губернатор не приехал. Мы в шестом забеге на три двести. И помни — девяносто процентов успеха зависит от коня, как он себя поведет, будет ли нервничать или будет спокоен. Ты лишь его продолжение — ты его грива, если хочешь, хвост, и твоя задача хотя бы не мешать ему. Рубин конь азартный, он сам понимает, что делать. Готовься потихоньку. Сядь, прокатись по тренировочному кругу, чтобы Рубин привык к новой обстановке. А я пойду узнаю, кто у нас в соперниках.

Вскоре прозвучал голос диктора, напомнивший, что на ипподроме работает тотализатор и все желающие могут поставить на понравившегося рысака.

Объявили о первом забеге. Он получился упорным, и победителя определял фотофиниш.

Чемпионкой стала кобыла Афродита, среди четырехлеток выигравшая и предыдущий этап в Новосибирске. Она и на этот раз не оставила никаких шансов своим соперницам. Уже знакомая Пашке Грет Рая, за которую он болел, стала второй.

В перерыве выступили спортсмены пони-клуба.

Но этих выступлений Пашка уже не видел. Проверяя конную амуницию, он слушал дядю Колю, готовясь к финальному забегу:

— Компашка, конечно, солидная! Восемь финалистов. Но из них потенциальные соперники это вороной жеребец Корифей из Хакасии, жеребец серой масти Саботаж из Новосибирской области. Опытные, матерые! Так что, Пашка, участие в этом финале уже огромный успех для нас.

Рубин почувствовал соревновательный дух: беспокойно мотал головой и бил передним копытом.

Пашка посмотрел еще пару заездов, затем выступил детский коллектив с русским народным танцем.

И вот команда дяди Коли:

— Пашка, время! Готовимся, и на проминку!

И действительно время пролетело незаметно. Скоро финал. После разминки, разогрев коней, финалисты продефилировали перед центральной трибуной. Затем выехали на соревновательный круг, заняли позиции и двинулись за старт-машиной, которая уже набирала ход. Когда поравнялись с трибуной, прозвенел колокольчик, оповестивший о включении секундомера. Два круга по тысяче шестьсот метров.

Зрители взревели, поддерживая участников забега.

— Поехали! — крикнули с трибуны. — Давай, Корифей, я на тебя тысячу поставил! Не подведи, дружище!

Пашка зрителей не слышал. Лишь скрип колес, топот копыт и хриплое дыхание лошадей. Казалось, он даже не чувствовал рук и какое-то время ощущал себя хвостом Рубина, который бежал сейчас пятым.

— Забег повел Корифей! — раздался голос ведущей-диктора. — За ним Саботаж! Третья позиция Чад, четвертый Мэнфинити. Первая четверть пройдена за тридцать две и две десятых секунды. Напомним, идет финальный забег на Приз губернатора Алтайского края на дистанции три тысячи двести метров среди орловских рысаков четырех лет и старше. Разыгрывается пятьсот тысяч рублей. Болельщики, я вас не слышу! Поддержим участников!

Центральная трибуна оживилась аплодисментами, свистом и улюлюканьем.

— Забег повел Саботаж... — продолжила ведущая.

Пашка, как и советовал дядя Коля, держался по внешнему кругу, опережая на полголовы идущего шестым Кедр.

Рубин чувствовал забег. Он бежал в одном темпе, не увеличивая и не сбавляя ходу.

Вдруг Чад совершил рывок. С третьего места начал плавно обходить Корифея, поравнялся с Саботажем и вырвался вперед. Корифей и Саботаж не стали его отпускать, поддержали ход. Образовался разрыв между лидирующей тройкой и остальной группой.

Пашка хотел было подстегнуть Рубина, но не стал, подумав, что еще рано, позволив жеребцу приблизиться к бежавшему четвертым Мэнфинити.

Первый круг позади... И здесь Пашка слышит подсказки дяди Коли:

— Включайся! Не отпускай! Уйдут!

Пашка поддал вожжами — Рубин прибавил ходу, поравнялся по внешнему радиусу с Мэнфинити и на одном из виражей обошел рожденного в Америке рысака, приблизившись вплотную к бегущим впереди участникам.

Но тут из-за спины вырвался Кедр, берегущий силы на последний круг, пошел наращивать темп, широко раскидывая ноги.

Пашка вспомнил слова дяди Коли: «Если продержится до финишной прямой, то всех на ней сделает!» И он снова подстегнул жеребца.

— Не отпускай! — прошептал он Рубину. — Подтянись!

Рубин интуитивно почувствовал желание хозяина, устремился вслед Кедру, и пять лучших рысаков Сибири с последнего виража почти вровень оказались на финишной прямой...

Пашка с Рубином были ближе к трибуне. Зрители оживились, зааплодировали, закричали... Тотализатор все-таки азартная вещь.

И этот азарт, вся эта людская энергия подхлестнула Рубина. Нарращивая темп, он уже опережает почти на полкорпуса... корпус... бегущего вторым орловского рысака Корифея. До финиша каких-то сорок метров...

И вдруг идущий первым Рубин сбился с набранного хода. Продолжает бежать, но сильно прихрамывает на переднюю ногу. Трибуны вздрагивают...

— Что с ним?! — слышатся голоса. — Травма?!

Лидера обходит Корифей, следом Саботаж. Конный спорт таков — здесь нет правила фэйр-плей. Никто тебе мяч не вернет... Дистанция заканчивается, и Рубин приходит третьим.

Пробежав несколько десятков метров, жеребец остановился в сторонке и грустно смотрит на хозяина.

Все как в тумане — Пашка со слезами спрыгивает с качалки, нет, не потому, что они упустили победу, а потому, что Рубину больно... Рядом дядя Коля и Антон помогают распрягать коня. И только сейчас до Пашки доходит — забег закончился...

Он не хочет никого видеть, но их не оставляют в покое. Подходят люди и все поздравляют, хлопают Пашку по плечу, жмут ему руку, гладят Рубина.

Ведущая объявляет результат:

— Победителем стал жеребец Корифей из республики Хакасия под управлением Василия Семенова!

Но на трибунах вдруг послышался неодобрительный гул, раздалось сначала одиночное, а затем подхваченное сотнями голов скандирование:

— Рубин чемпион! Рубин чемпион! Рубин чемпион!

И когда Пашка уводил коня с ипподрома, их провожали аплодисментами.

Василий Семенов после награждения подошел и надел на Рубина пурпурную чемпионскую попону, вручаемую победителю. Приобняв Пашку и, пожав руку дяде Коле, подмигнул:

— Сегодня чемпионы вы!

19

Не успели отойти от соревнований, как плохая новость выбила всех из колеи.

Директриса Эльвира позвала коневода к себе в контору. Долго что-то обсуждали. Дядя Коля вышел весь бледный, в расстроенных чувствах. Тут же, возле крыльца, его дожидались Валерка и Пашка.

— Ты чего, Семеныч? — поинтересовался конюх. — На тебе лица нет! Случилось чего?

Коневод сел на чурбачок у крыльца. Снял шапку, помял ее в руках и тихо сказал:

— Банкротят нас. Собственник звонил, велел сворачивать лавочку. Коней распродавать.

— Как распродавать?! — не понял Валерка.

— Так. Брать и продавать.

— А как же мы?

— О нас они подумают в последнюю очередь. Прежде о себе позаботятся. Сказали, до зимы с конями решить вопрос.

— А Рубин? — испугался Пашка.

— А что Рубин? У него уже есть хозяин, — ответил дядя Коля, а сам смахнул слезу.

Больно на это смотреть — человек тридцать лет вкладывал душу в любимое дело, а кто-то все перечеркивает в один день. Жалко дядю Колю.

И Пашке тревожно. Его впечатлительная детская душа в неспокойных снах болезненно воспроизводит события последних дней. Мерещится черный джип, подъезжающий к ферме: Бородач, довольно потирающий руки, сверкает злорадной улыбкой, узнав, что распродают орловских рысаков... Он кидает пачку денег Эльвире в руки, и та жадно их пересчитывает. Бородач, смеясь Пашке в глаза, со своими помощниками загоняет Рубина в фургон и уезжает... Пашка бежит за машиной в кромешной темноте, но почему-то ноги и руки его не слушаются, и он ползет как черепаха...

Мальчик просыпается весь в поту. Лежит и прислушивается к звукам в доме. Но стоит зловещая тишина. Пашка соскакивает с постели, одевается и, открыв окно, вылезает наружу.

Туман опустился на Катунь. Густой и зябкий — покрыл он серебристой росой землю...

Пашка со всех ног бежит к стайкам, где теперь содержится Рубин, но рысака на месте нет. Пашка бросается к склону, где лежит дерево — отсюда хорошо видно поле.

— Рубин! — кричит Пашка, и голос его разносится глухим эхом до самой Катунь. Вдали слышится короткое ржание — строптивый конь опять вышиб дверь и убежал ночью пастись в поле.

Пашка спускается вниз по крутому склону, бежит навстречу жеребцу, но вдруг останавливается — рядом с конем шагает человек и улыбается.

«Бородач!» — пронеслось у Пашке в голове. Но, присмотревшись, облегченно вздыхает, узнав богатыря из своего сна. Это Бабырган пришел проведать коня...